

Некоторые особенности диалога авторов монографии «Человек как открытая целостность» (продумывая книгу Вадима Беляева «Методологическое пространство трансдисциплинарности, синергетики и постнеклассики»)

Розин В.М.,

д. филос. н., профессор,

главный научный сотрудник Института философии РАН,
Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Аннотация: В. Беляев — автор оригинальной концепции модерна. Заинтересованный в ее продвижении и понимании, он, во-первых, кратко излагает основные идеи этой концепции, во-вторых, разбирает высказывания авторов монографии, показывая, что в рамках концепции Беляева их, с одной стороны, можно понять иначе, с другой — подвергнуть критике и переосмыслению. Модерн В. Беляевым вводится через процедуру «логического генезиса» и подкрепляется примером перехода от средневековой культуры к новоевропейской через Реформацию и контрреформацию, причем первая культура сводится к теистическому миропорядку, а вторая — к свободе вероисповедования и становлению множества национальных культур Европы. Сам этот переход логически трактуется В. Беляевым как переход от закрытого космоса и общества к открытым, от постижения Бога (неба) к рациональному познанию (изучению) природы (земной жизни). Автор статьи показывает, какие затруднения возникают при попытке понять данную концепцию авторами монографии: непроясненность основных понятий, невозможность помыслить историю (по сути, утверждается концепция «вечного модерна»), своеобразная атомизация философских и научных аудиторий, формализация требований к строгости защиты диссертаций и публикаций, невозможность передать рецензирование искусству интеллекту. В конце статьи автор обсуждает ситуацию, позволяющую все же использовать представления других критикуемых концепций. Разбирается схема становления модерна, предложенная В. Беляевым, которую автор статьи использовал для объяснения эволюции европейской философии. Она позволила автору выйти на гипотезу поворотов философского осмысления, которые, образно говоря, можно уподобить маятнику, и поставил такие вопросы, а не назревает ли очередной поворот, возможен ли он, может ли этот поворот совершиться без новой концепции спасения.

Ключевые слова: модерн, культура, история, концепция, познание, осмысление, философия, наука, понимание, знание

В. Беляев, автор оригинальной концепции модерна, написал и издал уже около трех десятков книг, посвященных разработке этой концепции¹. Кроме того, он оперативно отвечает на многие новации в философской мысли, предлагая свое понимание и критику. Хотя я в свое время был его научным руководителем (Беляев успешно защитился в Институте философии РАН [Беляев, 2002]), именно мои работы стали одними из первых объектов его осмысления и критики. Последний по времени подобный объект — монография 2022 года «Человек как открытая целостность» [«Человек как...», 2022]. «В этой книге, — пишет Беляев, — я предпринял попытку присоединиться к разговору, который выражен в монографии...» [Беляев, 2024, с. 9]. Как можно понять желание «присоединиться к разговору»? Вероятно, Беляев хочет войти в круг авторов и читателей монографии на правах не только полноценного участника философской коммуникации, но такого, которого понимают и поэтому принимают. Однако, поясняя цель своего исследования, он смещает задачу общения: «Для меня было важно (через присоединение к этому разговору) продемонстрировать эвристические возможности моих собственных теоретических разработок и моей позиции» [Там же]. «Демонстрация эвристических возможностей», конечно, тоже является одной из стратегий понимания, но вряд ли достаточно эффективной, поскольку нужно еще разглядеть эти возможности. Думаю, подобную стратегию Беляев выбрал, в частности, потому, что его подход и концепция не то чтобы не понимаются и отвергаются, а как бы пропускаются читателями его книг мимо сознания, во всяком случае, ожидаемой реакции и обсуждений на них не последовало. Впрочем, удивляться этому не стоит, такова судьба многих современных философских работ. Посмотрим теперь, каким образом реально Беляев присоединяется к разговору.

Понимая, что его концепция модерна серьезно отличается от принятых в философии, социологии и культурологии, Беляев, во-первых, кратко излагает ее основные идеи. Во-вторых, он разбирает высказывания авторов монографии, показывая, что в рамках концепции Беляева их, с одной стороны, можно понять иначе, с другой — подвергнуть критике и переосмыслению. Приведем сначала фрагменты обоих указанных нарративов. «Модерн, — пишет Беляев, — можно считать переходом от „закрытого“ общества-универсума к „открытым“». Под „закрытым“ будем понимать то общество, система которого предзадана элементам (субъектам) в готовом виде. Элементы общества должны реализовать эту систему через себя, не пытаясь ее изменить... задана высшей сущностью или фундаментальной логикой мира...

Под „открытым“ будем понимать такое общество, в котором элементы обладают конструктивным приоритетом по отношению к системе. Они создают и трансформируют систему по своим проектам...

Важно понимать, что при проекции этих идеально-типических конструкций на культурно-исторический процесс „закрытой“ следует считать средневековую теистическую миросистему, а „открытой“ — модерновую миросистему. Точнее сказать, развертывание модерна должно выглядеть как развертывание логики „открытости“ через множество реформ и революций в разных аспектах социальности и культуры <...>

Радикальная критика „закрытости“ должна в конечном счете делать объектом отрицания и религиозный способ ее обоснования... переходим к модерну как

---

¹ Основные перечислены в Предисловии к работе Беляева В.А. «Методологическое пространство трансдисциплинарности, синергетики и постнеклассики» [Беляев, 2024, с. 10–12].

последовательному перенаправлению творческой активности человека со сверхземного на земное. Модерн становится культурой «прохождения через земную реальность» <...>

Про-модерновое самосознание должно было постепенно (через множество шагов „расколдовывание мира“) выходить к идеи „открытости“. Контр-модерновое самосознание должно было постоянно воспроизводить на стратегическом плане логику „закрытости“, впуская логику „открытости“ на тактическом плане <...>

Для общего определения философии трансдисциплинарности подходит понятие „постмодернистская“... Пафос трансдисциплинарности оказывается в своей основе пафосом „посткультурности-интеркультурности“. Другим фундаментальным пафосом трансдисциплинарности можно считать пафос „открывания“ мира... утверждает бесконечность шагов „открывания“. Третий фундаментальный слой содержит внутри себя логику „мировой освобождающе-объединяющей революции“ [Беляев, 2024, с. 105–107, 73, 81].

Поясню. До разговора о трансдисциплинарности речь шла о том, как Беляев понимает и вводит модерн, после этого разговора — каким образом он объясняет феномен трансдисциплинарности (аналогично на основе картины модерна и все другие явления, которые в книге рассматривают авторы монографии). Модерн им вводится через процедуру «логического генезиса» и подкрепляется примером перехода от средневековой культуры к новоевропейской через Реформацию и контрреформацию, причем первая культура сводится к теистическому миропорядку, а вторая — к свободе вероисповедования и становлению множества национальных культур Европы. Сам этот переход логически трактуется Беляевым как переход от закрытого космоса и общества к открытым, от постижения Бога (неба) к рациональному познанию (изучению) природы (земной жизни). Наконец, конкретный процесс этого перехода задается, во-первых, культурно-историческим механизмом «вызовов» (проблем), на которые ищутся «ответы», во-вторых, не только идеальными замыслами и проектами, которые Беляев относит к «стратегической логике», но и реальными системными условиями и реализациями («тактическая логика»), в-третьих, колебаниями, обусловленными двумя основными ориентациями — «про» (в поддержку основных тенденций и нового) и «контр» (критика настоящего и частичное возвращение к прошлому).

Стоит обратить внимание, что в рамках подобного логического генезиса нет места истории с ее сингулярностью и культурам как принципиально новым целым, зато всегда можно обнаружить повторение и «вечный модерн», только в прошлом, как еще неясно видимый и выявленный, а в настоящее время — как осознанный и проявленный. Например, Беляев пишет следующее. «Я уже начал разговор о пафосе освобождающе-объединяющей революции, которую можно прочитать в пафосе трансдисциплинарности... Это не новый пафос. Его действие можно увидеть уже с древности. Осевая эпоха продемонстрировала в разных вариантах философий и религий выражение освобождающее-объединяющего действия» <...> Главное, на что здесь надо обратить внимание, это постановка жизненного вызова и ответа на него (здесь Беляев разбирает концепцию М.Н. Эпштейна, одного из авторов монографии. — В. Р.). Человечество пришло к своему концу. Возникает вызов глобальной трансформации человека... Зададим вопрос: можно ли в этой диспозиции увидеть форму, имеющую прецеденты в истории? Это важно для понимания

концептуального хода, который предпринимает Автор. Мой ответ — да. В постановке проблемы и спектре предлагаемых решений вполне можно увидеть схему жизненного „вызыва — ответа“, который можно назвать „концом эпохи“, „концом мира“. Самый яркий и важный для проводимого анализа пример этого можно видеть в эпохе конца античности и Западной Римской империи² [Беляев, 2024, с. 75, 91–92].

Я уже давно спорю с Вадимом Беляевым по поводу понимания истории и культуры. Не отрицая важной роли новоевропейской культуры, не склонен, тем не менее, считать модерн «интеркультурой» (т. е. рефлексивной культурой «по ту сторону любых культур»), устроенной таким образом, что при любых социальных и духовных трансформациях культура может воспроизводить себя, сохраняя свою целостность, находя в рамках основных ее механизмов адекватные ответы на всевозможные вызовы. По моим исследованиям, культура модерна подобно основным предшествующим «большим культурам» («архаической», «культуре Древних царств», «античной», «средневековой») завершается; начинает складываться следующая большая культура — «фьючекультура», но только начинает.

Однако убеждение в существовании «вечного модерна» — не единственная, как я предполагаю, трудная проблема, с которыми столкнутся авторы монографии или ее читатели. С не меньшими затруднениями они, вероятно, должны встретиться в процессе понимания основных понятий, которыми пользуется Беляев. Как, скажем, понимать, что такое «закрытый или открытый космос», или «интеркультура», или «культурная (социокультурная) архитектура», или «земная реальность», или «освобождающее объединяющая революция», или «стратегический план» в отличие от «тактического». Беляев, конечно, может сослаться на свои книги, но вряд ли найдется хотя бы пара человек из авторов монографии, которые их читали; к тому же в этих работах те же самые непонятные понятия. Есть поясняющие примеры, но ведь примеры помогают, если кроме них рассматриваемое явление задано понятийно (как идеальный объект), в противном случае примеры только сбивают с толку, поскольку на один пример оппоненты могут привести другие, указывающие на противоположные свойства.

Здесь Беляев резонно может возразить, указав, что авторы монографии рассуждают и мыслят не лучше него, точнее не строже, например, в дискурсе Михаила Эпштейна те же самые образные схемы, иди догадайся, что он имеет в виду, говоря о «человеке», «постгуманизме», «сингулярности», «кенотической природе», «искусственных формах жизни и разума», и не вообще, по словарю, а конкретно применительно к обсуждаемой теме. «Постгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности, взрывной точке

---

² Интересно, что когда Г.П. Щедровицкий от первой программы «исторического изучения мышления» перешел в середине 60-х ко второй — построения «теории деятельности», он отказался от понятия развития как естественно-исторического процесса. «Выявив схемы воспроизведения и воспроизводство как основополагающий факт социальности, — пишет Щедровицкий, — мы, естественно, попробовали затем вернуться к проблемам развития и соединить эти два подхода... Если вначале я сказал, что исходной была точка зрения генезиса, а потом в ходе описанного мною движения появилась точка зрения воспроизведения, то теперь, когда обе точки зрения и, соответственно, оба процесса были проецированы на одну картину целого, приходилось решать вопрос о том, что является первичным... точка зрения развития стала весьма сомнительной или, во всяком случае, требующей специального переосмысления. Пришлось переосмыслить само понятие развития» [Щедровицкий, 2004, с. 302–305]. Для В. Беляева концепция модерна, судя по всему, выступила в той же роли, как для Щедровицкого концепция деятельности (ничего, кроме деятельности, долго утверждал он, не существует).

развития, которая современными футурологами, какими как Р. Курцвайл, прогнозируется на середину XXI в. Тогда созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой все более отстающих (а иногда и упирающихся) человеков <...> Гуманология — наука о человеке, переступающем свои видовые границы, о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума. Гуманология соотносится с учением Ф. Ницше о сверхчеловеке и концепцией „сверхскладки“ Ж. Делеза <...> Согласно гуманологической концепции исчезновение человека заложено в его кенотической природе, включающей перенесение своей сущности на нечто отличное от себя» [Беляев, 2024, с. 90; Эпштейн, 2024, с. 275].

Один из отв. редакторов монографии Л.П. Киященко, правда, может уточнить, указав, что ряд авторов прекрасно понимают друг друга, поскольку или имеют сходный философский (отчасти марксистский) андеграунд, или сознание в рамках «общности по настроению». «Общность по настроению, — пишет Киященко, — создает возможность, предпосылку для общения без предварительного теоретически (дисциплинарно) выделенного основания» [Киященко, 2015, с. 116]). Может быть, для общения общность по настроению действительно создает возможность, но сомневаюсь, что при этом складываются условия для адекватного понимания и мышления.

Соглашусь, общность по настроению создает видимость понимания, но только видимость, реальное понимание и диалог при этом, на мой взгляд, отсутствуют. Беляев хотя бы старается разъяснить свое видение и концепцию, а авторы монографии, похоже, этим не озабочены. К сожалению, в настоящее время в философии подобная коммуникация очень распространена. Есть, конечно, и другие примеры. Лариса Киященко готовила не только данную монографию, но и несколько лет тому назад участвовала в создании другой, очень актуальной — «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы». Там ситуация коммуникации и понимания была совершенно другая: участники монографии были в той или иной степени знакомы с феноменом трансдисциплинарности, поскольку сами работали в рамках этого подхода. Другое дело, что они понимали этот феномен различно и не заморачивали себя строгими определениями, что дало повод Григорию Гутнеру охарактеризовать трансдисциплинарность в качестве «нечеткой, размытой предметности». «Мы можем, — поясняет он, — описать некоторые особенности трансдисциплинарного исследования... такая реальность исходно обозначена. Существует (или предполагается) общий горизонт исследования, заданное (но не данное) целое. По поводу этого целого у каждого участника проекта может быть свое собственное представление. Каждое из этих представлений выражено в терминах соответствующего дискурса. Тем не менее, есть исходная данность, общая для всех, некий предварительный консенсус по поводу предмета исследования. Эта исходная данность может быть (и, наверняка, является) крайне размытой, допускающей разные истолкования. Она составляет общее мнение о заданном целом, которое должны разделять участники проекта, чтобы хоть как-то договориться» [Гутнер, 2015, с. 279].

В данном случае участники монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы» входили в общую среду, общую в том смысле, что в ней практиковался трансдисциплинарный подход. Подобные среды, как мы знаем,

складываются на почве секторов и отделов научных институтов или научных школ, даже иногда научных семинаров. В случае же с первой монографией такой среды не было, поэтому вряд ли ее авторы хорошо понимали друг друга. Другое дело, если бы у них был сходный, например, марксистский андеграунд. А тут Вадим Беляев со своим видением и концепцией модерна, которые еще нужно понять и убедиться в их эффективности. Даже если некоторые авторы монографии поняли, что такое «открытый универсум» и «непрерывное открывание» в случае трансдисциплинарности, то почему это лучше традиционного понятия «свободного общества» (К. Поппера) или «рефлексии» (Г.П. Щедровицкого)?

Но каким образом тогда продвигать в философии новые идеи и концепции, они часто, как правило, непонятны для основной массы философов, ученых и педагогов? Одно направление в разрешении этой проблемы — требования к защите диссертаций и прохождения статей в журналах. К сожалению, в настоящее время эти нормы почти перестали работать. Как правило, эксперты и рецензенты ориентированы на средний парадигмальный уровень философского мышления, поэтому они охотно пропускают работы среднего уровня, а новые концепции и идеи, именно исходя из требований понимания, блокируют. В моей практике в качестве главного редактора философского журнала подобные случаи нередки, поэтому, получив подобные рецензии, я вынужден посыпать статьи на повторное рецензирование. Кроме того, формальные требования типа постановки проблемы, состояния исследования, предмета и объекта исследования, методологического обоснования и пр. многие авторы и соискатели научились хорошо выполнять, хотя при этом нового в их работах мало.

В монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы», чтобы создать общее мыслительное пространство для авторов, я предложил методологическую реконструкцию подходов к осмыслению трансдисциплинарного подхода, различив пять основных реализованных стратегий мышления: системно-синергетическую, феноменологическую, постструктураллистскую, коммуникационную и собственно методологическую [Розин, 2016]. Методологическая реконструкция, на мой взгляд, является эффективным решением указанной проблемы, но с одной поправкой, объединяющей меня с Беляевым, — если только удалось сделать ее понятной для читателей, им и судить. К тому же направление методологии не одно (марксистско-ленинское), как было в прошлые лета, их несколько, и они разные. Опять вопрос упирается в философскую среду или большую работу по разъяснению и введению новых представлений.

А нельзя ли эту большую работу передать компьютеру, например, нейросети Llama-3-70b-instruct, которая считается одной из лучших нейросетей с открытым исходным кодом? Пусть, например, она сделает резюме из тех 16 книг, с которыми Беляев рекомендует познакомиться читателям, чтобы они лучше поняли его концепцию модерна. Я решил проделать куда более слабый эксперимент: попросил эту нейросеть прокомментировать небольшой свой комментарий из подросткового воспоминания К. Юнга. Оно поразило меня следущим: Юнг вообразил себе Бога, который непотребным образом разрушает церковь. «Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром — и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушится, стены собора разламываются на куски» [Юнг, 1994, с. 50].

Вот ответ нейросети Llama-3-70b-instruct.

«Этот текст является отрывком из автобиографии Карла Юнга, где он описывает яркое детское воспоминание, которое произвело на него глубокое впечатление.

В детстве Юнг имел видение в солнечный день 1887 года. В этом видении он увидел прекрасный мир, прекрасную церковь и Бога, сидящего на золотом троне в голубом небе. Однако, когда он смотрел на эту идиллическую сцену, его мысли вдруг остановились, и он почувствовал удушье. Он оцепенел от страха, и его единственная мысль была: «Не думай об этом. Сейчас наступает что-то ужасное!»

Через три дня Юнг собрал всю свою храбрость, как если бы решился прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Что он увидел, было резким контрастом с initial idyllic сценой. Кафедральный собор, голубое небо и Бог на своем золотом троне все еще присутствовали, но теперь кусок кала падал из-под трона Бога, пробивал сверкающую новую крышу собора, вызывая ее обрушение, и стены собора разламывались на куски.

Этот отрывок важен, потому что он раскрывает ранние способы борьбы Юнга с понятием Бога и природой добра и зла. Видение представляет собой конфликт между его идеализированным взглядом на мир и суровой реальностью существования. Образ Бога на золотом троне, окруженного красотой, вдруг нарушается падением кала, символизируя вторжение тьмы и хаоса в идеальный мир.

Этот опыт произвел глубокое впечатление на позднейшую работу Юнга как психоаналитика, повлияв на его теории о коллективном бессознательном, процессе индивидуации и интеграции противоположностей».

Прочитав ответ нейросети, я удивился, но не очень сильно. Дело в том, что это была компиляция из моего же анализа случая с Юнгом, опубликованного даже не один раз (например, [Розин, 2011, с. 66–67]). Правда, выводы не совпадали, но и вывод нейросети был явно взят еще от кого-то и не оригинален. Я уже догадывался, что нейросеть на некоторый поставленный вопрос находит в Интернете ответы и составляет из них усредненную версию. Почему не взять ответ от автора, задававшего вопрос, какая компьютеру разница, ведь он вообще не знает вопрошивавшего. Таким образом, уверен, не стоит ожидать от нейросети понятного и толкового разъяснения концепции Беляева.

Взглянем на ситуацию еще с одной стороны. Вадим Беляев, независимый исследователь, заинтересованный только в том, чтобы его идеи дошли до других участников философской мысли; рано или поздно он, вероятно, доведет свой дискурс до читателей. Авторы обсуждаемых монографий, конечно, тоже заинтересованы в понимании своих идей, но значительно больше в социальном продвижении своего положения (защита диссертаций, отчеты о проделанной работе, подтверждение научного статуса и пр.). Отсюда они меньше, чем независимые исследователи, думают о доведении своих идей до читателей. Одновременно растет значение социальных и гуманитарных наук, в которых утверждается зависимость знания от позиции исследователя. Поскольку разные философы имеют разные позиции, растет количество аудиторий читателей, размер которых, соответственно, уменьшается. Эти аудитории начинают развиваться в значительной степени автономно, что тоже не способствует пониманию их идей.

Еще один фактор, затрудняющий доведение до читателя новых идей и концепций, связан с тем, что их авторы вживаются в созданные ими знания и схемы. Нередко они идут к ним много лет и так привыкают к соответствующим представлениям, что принимают их за саму реальность. А что может быть естественней, чем указать на реальность, рассказать о ней как о непосредственной очевидности.

Такова объективная современная философская и отчасти научная (особенно гуманитарная) коммуникация. Но мне не хотелось бы, чтобы читатель решил, что не стоит тратить время на понимание Вадима Беляева. Мы никогда не знаем, как поймем другого философа и что возникшее понимание нам подскажет. Да, я по ряду фундаментальных положений не согласен с Беляевым, но, как правило, читаю его работы и стараюсь их понять. Например, стал продумывать положения «перехода от закрытого общества к открытому» и модерна как становления культуры «прохождения через земную реальность». Это, конечно, схема, объясняющая для Беляева аспекты становления модерна. Раз это схема, подумал я, то ее можно, во-первых, соотнести с эмпирическим материалом истории европейской культуры, во-вторых, с ее помощью построить другую, противоположно ориентированную схему, а именно закрытия открытого общества и перехода от земной реальности к небесной (духовной). В связи с этим вспомнил терзания и размышления св. Августина, которые очень хорошо ложились в новую схему.

«Я не знал другого, — пишет Августин, — того, что есть воистину, и меня словно толкало считать остроумием поддакивание глупым обманщикам, когда они спрашивали меня, откуда зло, ограничен ли Бог телесной формой и есть ли у Него волосы и ногти, можно ли считать праведными тех, которые имели одновременно по нескольку жен, убивали людей и приносили в жертву животных. В своем невежестве я приходил от таких вопросов в замешательство и, уходя от истины, воображал, что иду прямо к ней. Я не знал еще тогда, что зло есть не что иное, как умаление добра, доходящего до полного своего исчезновения. Что мог я тут увидеть, если глаза мои не видели ничего дальше тела, а душа дальше призраков? Я не знал тогда, что *Бог есть Дух, у Которого нет членов, простирающихся в длину и в ширину, и нет величины*: всякая величина в части своей меньше себя, целой, а если она бесконечна, то в некоторой части своей, ограниченной определенным пространством, она меньше бесконечности и не является всюду целой, как Дух, как Бог. А что в нас есть, что делает нас подобными Богу, и почему в Писании про нас верно сказано: “по образу Божию”, это было мне совершенно неизвестно» [Августин, 1992, с. 35] (выделение наше. — В. Р.).

А вот одна из первых противоположных схем Рождера Бэкона — перехода к земной реальности (изучения и творения «подлунного мира» с помощью математики). «Вторые же важнейшие ворота, которых нам по природе недостает, — читаем в Opus Tertium, — есть знание математики… Адам и его сыновья получили ее от Бога… понятно, что большая и лучшая часть математики повествует о вещах небесных, как астрология, спекулятивная и практическая… благодаря этим [двум наукам о небесном] подготавливается, тем не менее, познание этого подлунного мира… познание всего подлунного зависит от возможностей математики» [Бэкон, 2002, с. 103–109]³.

---

³ Бэкон Р. Opus Tertium // Антология средневековой мысли. Т. 2. М., 2002. С. 103–109.

Неизвестный художник. Бог с циркулем, миниатюра XIII века [«Бог с...», 2020]

В новое время Фрэнсис Бэкон уже не сомневается, что цель науки — познание земной реальности, под которой он понимает природу с ее законами. «Власть же человека над вещами, — говорит Бэкон, — заключается в одних лишь искусствах и науках. Ибо над природой не властвуют, если ей не подчиняются... Пусть человеческий род только овладеет своим правом на природу, которая назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество... эти два требования относительно действенного и созерцательного суть одно и то же. Что в Действии наиболее полезно, то в Знании наиболее истинно»⁴.

Так вот, сравнивая эти две схемы (восхождения к небу и Богу и нисхождения к освоению земной реальности), я вышел на гипотезу поворотов «философского осмысления, которые, образно говоря, можно уподобить маятнику, а именно от понимания бытия как земной реальности к истолкованию его как реальности духовной и небесной, но также и обратный поворот» и поставил такие вопросы, а «не назревает ли очередной поворот, возможен ли он, может ли этот поворот совершиться без новой концепции спасения» [Розин, 2023].

Таким образом, схема Беляева оказалось достаточно эвристичной. Этот пример подсказывает, что, даже полемизируя с авторами противоположных взглядов, нужно одновременно стараться лучше понять их мысли и, если можно, использовать их идеи для решения своих проблем.

⁴ Бэкон Р. Opus Tertium // Антология средневековой мысли. Т. 2. М., 2002. С. 192–193, 200.

Литература

1. Августин А. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Беляев В.А. Взаимодействие социокультурных и личностных факторов научной деятельности: Методологический анализ. Автореф. дис. канд. филос. наук / В.А. Беляев. М., 2002. 29 с.
3. Беляев В.А. Методологическое пространство трансдисциплинарности, синергетики и постнеклассики. Издательские решения. 2024. 352 с.
4. Бог с циркулем и другие. Как художники разных веков представляли идею сотворения мира. 2020. <https://permopera.ru/media/mediatec/bog-s-tsirkulem-i-drugie-kak-khudozhniki-raznykh-vekov-predstavlyali-ideyu-sotvoreniya-mira/>
5. Бэкон Р. Opus Tertium // Антология средневековой мысли. Т. 2. М., 2002. С. 103–109.
6. Бэкон Ф. Новый органон. М., — Ленинград: Соцэкгиз, 1935. 382 с.
7. Гутнер Г.Б. Трансдисциплинарность как трансдискурсивность // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. Под редакцией В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Изд. Дом «Навигатор», 2015. 564 с.
8. Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы.
9. Розин В.М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности — событие новой научной революции // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 106–116.
10. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании / В.М. Розин; Российская акад. наук, Ин-т философии. М.: URSS, 2011. 255 с.
11. Розин В.М. Маятник философского осмысления «архитектуры мира»: от земной реальности к небесной (духовной) и обратно. Вопросы философии. 2023. № 6. С. 57–65.
12. Человек как открытая целостность: Монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. — Новосибирск: Академиздат, 2022. 420 с.
13. Щедровицкий Г.П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. М.: Путь, 2004. 400 с.
14. Эпштейн М.Н. Гуманология: наука о человеке, переступающем границы своего вида / Человек как открытая целостность.
15. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: AirLand, 1994. 406 с.

References

1. Avgustin A. Ispoved': Abelyar P. Istorya moih bedstvij [Confession: Abelard P. History of my disasters]. Moscow: Republic, 1992. 335 p.
2. Bacon F. Novyj organon [New Organon]. Moscow, — Leningrad: Sotsekgiz, 1935. 382 p.

3. Bacon R. *Opus Tertium* [Opus Tertium]. Antologiya srednevekovoj mysli [Anthology of Medieval Thought]. Vol. 2. Moscow, 2002. Pp. 103–109.
4. Belyaev V.A. *Metodologicheskoe prostranstvo transdisciplinarnosti, sinergetiki i postneklassiki* [Methodological space of transdisciplinarity, synergetics and post-non-classics]. Publishing decisions. 2024. 352 p.
5. Belyaev V.A. *Vzaimodejstvie sociokul'turnyh i lichnostnyh faktorov nauchnoj deyatel'nosti: Metodologicheskij analiz* [Interaction of socio-cultural and personal factors of scientific activity: Methodological analysis]. Abstract of Cand. Philosophical Sciences Dissertation / V.A. Belyaev. Moscow, 2002. 29 p.
6. *Bog s cirkulem i drugie. Kak khudozhniki raznyh vekov predstavlyali ideyu sotvoreniya mira* [God with a compass and others. How artists of different centuries presented the idea of the creation of the world]. 2020. <https://permopera.ru/media/mediatec/bog-s-tsirkulem-i-drugie-kak-khudozhniki-raznykh-vekov-predstavlyali-ideyu-sotvoreniya-mira/>
7. *CHelovek kak otkrytaya celostnost'* [Man as an open integrity Monograph]. Ed. L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova. Novosibirsk: Akademizdat, 2022. 420 p.
8. Epshtejn M.N. *Gumanologiya: nauka o cheloveke, perestupayushchem granicy svoego vida* [Humanology: the science of man, stepping over the boundaries of his speci]. CHelovek kak otkrytaya celostnost' [Man as an open integrity].
9. Gutner G.B. *Transdisciplinarnost' kak transdiskursivnost'* [Transdisciplinarity as transdiscursivity]. Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects]. Edited by V. Bazhanov, R.V. Scholz. Moscow: Publishing House "Navigator", 2015. 564 p.
10. Kiyashchenko L.P. *Filosofiya transdisciplinarnosti: podhody k opredeleniyu* [Philosophy of transdisciplinarity: approaches to definition]. Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects].
11. Rozin V.M. *Obsuzhdenie fenomena transdisciplinarnosti — sobytie novoj nauchnoj revolyucii* [Discussion of the phenomenon of transdisciplinarity — an event of a new scientific revolution]. Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. 2016. № 5. Pp. 106–116.
12. Rozin V.M. *Mayatnik filosofskogo osmysleniya «arhitektury mira»: ot zemnoj real'nosti k nebesnoj (duhovnoj) i obratno* [Pendulum of philosophical understanding of the "architecture of the world": from earthly reality to heavenly (spiritual) and back]. Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. 2023. N 6. Pp. 57–65.
13. Rozin V.M. *Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovaniyu* [Introduction to circuitry: circuits in philosophy, culture, science, design]. Moscow: URSS, 2011. 255 p.
14. SHCHedrovickij G.P. *Problemy logiki nauchnogo issledovaniya i analiz struktury nauki* [Problems of the logic of scientific research and analysis of the structure of science], Moscow: Put', 2004. 400 p.
15. YUNG. K. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, dreams, reflections]. Kyiv, Air Land, 1994. 405 p.

Some Features of the Dialogue of the Authors of the Monograph “Man as an Open Integrity”

(Thinking over Vadim Belyaev’s Book “Methodological Space of Transdisciplinarity, Synergetics, and Post-Non-Classics”)

Rozin V.M.,

Doctor of Philosophy, Professor,

Chief Researcher. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, 109240, Moscow, Goncharnaya St., 12, building 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract: V. Belyaev, the author of the original concept of modernism. Interested in its promotion and understanding, he, firstly, briefly outlines the main ideas of this concept, and secondly, analyzes the statements of the authors of the monograph, showing that within the framework of Belyaev's concept, on the one hand, they can be understood differently, on the other hand, they can be criticized and rethought. Modernity is introduced by V. Belyaev through the procedure of "logical genesis" and supported by an example of the transition from medieval culture to modern European culture through the Reformation and Counter-Reformation, where the first culture is reduced to a theistic world order, and the second to freedom of religion and the formation of many national cultures of Europe. This transition itself is logically interpreted by V. Belyaev as a transition from a closed cosmos and society to open ones, from the comprehension of God (heaven) to rational knowledge (study) of nature (earthly life). The author of the article shows what difficulties arise when trying to understand this concept by the authors of the monograph: the lack of clarity of the main concepts, the impossibility of thinking about history (in essence, the concept of "eternal modernity" is asserted), a kind of atomization of philosophical and scientific audiences, formalization of requirements for the rigor of the defense of dissertations and publications, the impossibility of transferring review to artificial intelligence. At the end of the article, the author discusses a situation that still allows using the ideas of other criticized concepts. The scheme of the formation of modernism proposed by V. Belyaev, which the author of the article used to explain the evolution of European philosophy, is analyzed. It allowed the author to come to the hypothesis of turns in philosophical understanding, which, figuratively speaking, can be likened to a pendulum, and he posed such questions as whether another turn is brewing, whether it is possible, whether this turn can take place without a new concept of salvation.

Keywords: modernism, culture, history, concept, cognition, understanding, philosophy, science, understanding, knowledge